

Алекс Мара

Забирай мою жену

РАЗВОД

Алекс Мара

Развод. Забирай мою жену!

<https://litres.ru/74144953>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Если бы я знал, что Таня разводится, уговорил бы её, и мы были бы вместе. Я её люблю, а она даже не позвонила, когда развелась. Говорит, не хотела мешать, потому что я женат. Ну и что, если женат?!

– Ты действительно женат, причем на прекрасной женщине, которая тебя любит

– Плевать мне на это, понимаешь ты или нет? Нравится тебе моя жена, так и забирай её!

Карточный домик нашего брака простоял девять лет.

А потом оказалось, что муж до сих пор любит другую, а меня готов сбить с рук любому желающему.

Содержание

2	5
3	10
4	14
5	20
6	26
7	30
8	35
9	40
10	46
11	51
12	56
13	60
14	64
15	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алекс Мара

Развод. Забирай мою жену!

Все события в истории выдуманы, совпадения случайны. Суждения героев не отражают мнения автора. Поступки и решения героев не являются рекомендацией. Автор не пропагандирует и не поощряет поведение, описанное в книге.

– Если бы я знал, что Таня разводится, уговорил бы её, и мы были бы вместе. Я её люблю, а она даже не позвонила, когда развелась. Говорит, не хотела мешать, потому что я женат. Ну и что, если женат?!

– Ты действительно женат, причем на прекрасной женщине, которая очень тебя любит...

– Плевать мне на это, понимаешь ты или нет? Нравится тебе моя жена, так и забирай её!

Карточный домик нашего брака простоял девять лет.

А потом оказалось, что муж до сих пор любит другую, а меня готов сбить с рук любому желающему.

2

Лавирую среди запаркованных машин, стараясь подобраться ближе к дому. Остальные гости давно уже здесь. Из ярко освещенных окон льется музыка.

Не люблю приезжать последней. Все уже разгулялись, им хорошо, а у меня веселья ни в одном глазу.

Сегодня мне очень хотелось как следует оттянуться, посплетничать со старыми школьными друзьями, повеселиться. Да и Паше, моему мужу, надо расслабиться, а то ходит как чумной последние дни. Он уже на вечеринке, ему ничего не помешало, а мне пришлось отработать часть ночной смены. Коллега опоздала, её дочка сломала руку, и некому было выйти за неё, кроме меня. Если детей нет, то к тебе первой идут за помощью, да и я не против, только сегодня уж очень устала.

Выключаю мотор и собираюсь выйти из машины, когда на меня ураганом налетает Донцов, хозяин дома. Он был старостой нашего класса, и до сих пор именно он организует ежемесячные посиделки.

– Лера, ты все-таки вырвалась к нам... Класс... Супер, да... – Всё в его голосе и в странном поведении говорит о том, что мое появление его не радует. Это ещё почему, интересно?

Морщась, Донцов оглядывается на дом.

Следую за его взглядом, но не вижу ничего крамольного. Да и что там может быть? Мы каждый месяц так встречаемся теплой компашкой бывших одноклассников. С годами компания разрослась, конечно, – жены, мужья, новые друзья, – однако ничего необычного у нас не происходит.

Пашка выпил лишнего, что ли? Ну, с кем не бывает, хотя я не сторонница эксцессов. Да и он обычно строго следит за своим здоровьем.

– Лера, послушай, ты не могла бы запарковаться в другом месте? – Очевидно, что Донцов пытается меня задержать, что-то скрыть, однако он навеселе, поэтому получается неубедительно. Сразу очевидно, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Надавливаю на дверь, и ему приходится выпустить меня из машины.

– Старостам не пристало врать, – усмехаюсь, обходя его и закрывая машину. – Давай-ка выкладывай, что у вас стряслось!

– Лера, будь хорошей девочкой, подожди здесь пару минут, а? Паше... нехорошо.

– Моему мужу нехорошо, а я, его жена и медсестра к тому же, должна ждать на улице? Где он? В какой комнате?

Оттолкнув Донцова, направляясь к дому, но тут же останавливаюсь.

Из одного из окон доносится голос моего мужа. Вернее, вой. Почти звериный. Настолько громкий, что даже музыка

из динамиков не заглушает его до конца.

Слова разбираю с трудом, далеко не все, но от того, что слышу, тело покрывается ледяными мурашками.

– Я жил ради Таньки, на всё для неё готов... А она лгала, получается? Разбила мне жизнь, сука... Я же не переставал надеяться, что мы будем вместе... Она клялась, что не вышла бы за Клюева, если бы родители не заставили. Только меня любила и будет всегда любить, говорила. Я верил ей, ждал... Думал, однажды она кинет Клюева, и тогда мы... Не могу я так... Не могу больше!.. – ревёт раненым животным.

Мой муж.

Мой любимый мужчина.

Ревёт зверем о другой женщине.

Мое тело словно превращается в лёд. Занемевшее, мёртвое, не слушается меня. Я парализована услышанным.

С усилием отрываю ногу от земли и делаю шаг.

Да, мой муж выпил, я слышу это по его голосу. Да, ему нехорошо. Люди, у которых всё в порядке, не воют по ночам в кругу друзей.

Однако проблема не столько в его поведении, сколько в причине.

– Лера, не ходи к нему сейчас, тебе будет больно! – увещевает Донцов.

А мне уже и так больно. До предела.

Делаю ещё один шаг.

Донцов настигает меня и обнимает за плечи.

– Пашка сейчас не знает, что говорит. Самого себя не осознаёт. Слишком много выпил, поэтому из него всякая фигня сыплется. Посиди в машине, пока он успокоится, или лучше езжай домой. Мы позаботимся о твоём муже. А с утра он проснется свеженький, в своём уме, и у вас снова все будет хорошо. Вот увидишь.

Оглядываюсь на него через плечо.

Неужели он говорит всерьёз?!

В окнах вижу наших многочисленных друзей, они все это слышат и теперь уже никогда не забудут. А при этом Донцов советует мне не обращать внимания и уйти?!

Притвориться, что ничего не случилось?

– Что Паша такого узнал о Тане, что вызвало эту... истерику?

Донцов пытается отвертеться, но сдаётся под моим требовательным напором. Его плечи опускаются, взгляд становится усталым, словно он давно прятал эту правду.

– Таня развелась с Ключевым месяц назад, у неё теперь кто-то новый. Павел на днях об этом узнал и... Ну... Короче, он думал, она ему позвонит и скажет, что свободна... – Отводит неловкий взгляд.

Теперь всё понятно.

Хотя нет, не всё.

В беспорядочных и болезненных мыслях большой вопросительный знак.

Как я до такого дожидка? Почему позволила себе завяз-

нуть в истории с таким мучительным концом?

Как удар в лицо посреди светлого дня.

3

Таня.

Прекрасная, несравненная, незаменимая первая любовь моего дорогого мужа.

Мы все учились в одном классе. Я видела, как Паша по ней сох, это происходило на моих глазах. А я тем временем безответно сохла по нему.

А потом Таня стала встречаться с Олегом Ключевым и сказала Паше, что родители её заставили. Также под давлением родителей Таня выскочила замуж за обеспеченного Ключева сразу после школы. Для всех, кроме Паши, было очевидно, что она водила его за нос. Однако он верил ей на слово и никому не позволял распускать о ней дурные слухи.

Оплакав потерю первой любви, Паша ответил наконец на мои чувства. Это произошло случайно. Мы столкнулись на школьном вечере встречи, сели рядом, разговорились... а дальше всё случилось само по себе. Как-то естественно и... правильно, что ли? Паша в то время ни с кем не встречался и больше не казался обременённым чувствами к бывшей возлюбленной. Между нами вспыхнула искра. Мы стали встречаться и вскоре поженились. Ни разу за все эти годы не упомянули Таню. Постоянно общались со школьными друзьями, однако Таня не была частью компании.

Мы с мужем провели вместе хорошие, и, как мне казалось,

счастливые девять лет.

Однако теперь перед глазами неоновыми буквами маячит слово «конец». Очень неприятный и бесконечно болезненный.

Киваю Донцову, благодарю его за то, что сказал правду.

Захожу в гостиную.

Музыку не выключили, однако рыдания моего мужа ничем не заглушить. Он в прилегающем к гостиной кабинете, дверь закрыта.

К слову, при мне Павел никогда не плакал, из-за меня тоже. И вот, неожиданно, в соседней комнате разыгрывается драма Большого театра.

Слышу, как кто-то успокаивает его, даже ругает низким ровным голосом. Велит прийти в себя, выпить воды и прекратить истерику.

Однако Пашу это не отрезвляет.

– Да ты хоть знаешь, что такое любовь?! Сухарь ты, вот кто! Не зря тебя так прозвали! Любовь – это когда тебе сердце вырывают! Вот так, из груди прямо. Ложью душат! Кислород перекрывают!..

Кто бы знал, что в муже таится такой выдающийся драматический талант... Уж я точно никогда не догадывалась, хотя жила с ним бок о бок девять лет.

– Павел, ты ведешь себя недостойно и глупо, и утром об этом пожалеешь... – настойчиво продолжает незнакомый мужской голос.

– Пожалее? Знаешь, о чём я пожалее? Что не дал Ключеву по морде еще в школе! Надо было сразу вывести его на чистую воду. Тогда мы были бы вместе с Таней с самого начала... А теперь... Мы же с ней договаривались, а она мне не позвонила и не сказала, что свободна. А ведь обещала, что, если что-то случится, в ее жизни буду только я. Никто другой. Никогда. А я ведь ждал. Неужели и правда разлюбила меня? Или вообще не любила? Они с Ключевым решили развестись, но она мне не позвонила. Говорит, не хотела мешать, потому что я женат. Ну и что, если женат?!

– Ты действительно женат, причем на прекрасной женщине, которая очень тебя любит...

– Плевать мне на это, понимаешь ты или нет? Сдохну я сейчас, так мне больно. Если бы я узнал раньше, что Таня свободна, уговорил бы ее, и она не нашла бы нового мужика. Мы были бы счастливы... Ведь так и хотели...

Стою в кругу друзей, которых знаю со школы и с которыми общаемся до сих пор. Кто-то кивает мне, здороваясь, кто-то бросает тихое «привет». Но большинство молчит.

И прячут взгляды.

Они, черт возьми, прячут взгляды. Не потому, что они в шоке от поведения моего мужа, нет.

Им стыдно.

Они обо всем знали.

Эта мысль проходит сквозь меня как молния, оставляя рану и запах гари.

Они знали о том, что мой муж, женившись на мне, не переставал любить свою школьную подружку и надеялся однажды с ней воссоединиться.

– Ты неблагодарная свинья, Павел. Такую женщину, как Лера, ещё заслужить надо, а ты...

– Задолбал ты меня, Яхонтов! Достал своими нотациями! Нравится тебе моя жена, так и забирай её на фиг! Мне не до неё сейчас, моя жизнь рушится...

4

– ... Я же звонил Тане, писал. Напоминал, что жду ее и всегда буду ждать. Так почему она не позвонила? Зачем ей другой?..

Кажется, душераздирающий монолог мужа не закончится никогда. Мне тошно, страшно и безумно одиноко.

Одиночество ощущается как ледяные тиски вокруг сердца.

Немая сцена в гостиной продолжается.

Годы дружбы с одноклассниками, радости и горести напололам, а теперь им нечего мне сказать. А всё почему? Из-за чувства вины.

Интересно, как много они знали? Что мой муж не разлюбил Таню, и я навсегда останусь неадекватной заменой его любимой и единственной? Или они были полностью осведомлены о том, чем Паша занят на стороне? Получается, что он звонил Тане время от времени, добивался её... Спал со мной и одновременно умолял её о встрече... договаривался о том, что однажды они будут вместе... обменивался обещаниями...

Как много знали мои друзья? О чём молчали?

Вот стоят Дина с мужем, у них двое детей, постоянно болеющих. При первом чихе Дина паникует и сразу звонит мне. Я приезжаю как только могу, спешу на помощь.

А вот Тамара, её муж намного старше и тяжело болен. Она то и дело приезжает ко мне, чтобы поплакать о своей жизни и печали. А я езжу к ним домой, делаю её мужу уколы. Бесплатно, конечно.

А вот Арсений, у него геморрой, и он стыдится признаться в этом своей жене. А мне рассказал и попросил совета...

Могу и дальше перечислять довольно долго.

Смотрю на этих знакомых незнакомцев и вижу стыд в их глазах.

Да что уж...

Виновата прежде всего я и никто другой. Давно надо было понять, что Паша одержим Таней и останется глух и слеп к тому, что она водит его за нос. Никогда её не забудет. Надо было заставить себя переболеть им ещё в школе, вообще не приходиться на вечер встречи, не смотреть на Пашу влюбленными глазами и не отвечать на его ухаживания. После школы я вроде как справилась со своими чувствами и настроилась не возвращаться в болезненное прошлое. Однако друзья уговорили меня прийти на вечер встречи. Паша оказался другим – веселым, беззаботным, увлечённым институтской жизнью. Он подсел ко мне, флиртовал, и я не смогла отказать от его внимания. Тани на вечере встречи не было, и о ней не вспоминали.

Может, я тоже одержима. Вернее, была одержима, а теперь наконец излечилась.

– Ну и кто у нас Яхонтов? Хотелось бы знать, кому меня

только что отдали, – спрашиваю с усмешкой, от которой болят губы.

Фамилия незнакомая, голос я не узнаю. Вывод прост: муж готов отдать меня кому попало. Первому встречному, который рискнул за меня заступиться.

– Лера... Чёрт! Не знаю, что сказать... – Донцов стоит рядом, нервно трёт ладонью лоб. – Я тебя предупредил, Пашка сам не свой, несёт всякую дурь. Я зашёл и сказал ему, что ты приехала, а он вообще не отреагировал. Твою дивизию... ну ты же знаешь, что это на него не похоже! Не смотри на меня так, словно это я виноват!

– А я, Лёша, вообще никак на тебя не смотрю. Ты не виноват, конечно, только не надо мне заливать в уши всякое...

Значит, мужа предупредили, что я здесь, а он даже тогда не замолчал, не посчитал нужным скрыть свои страдания.

– Не слушай Пашу, он не в себе! Потом очнётся и приползёт к тебе ноги целовать, урод безмозглый... Да заткните его кто-нибудь, достал уже! – орёт Донцов, рассекая ладонью воздух. – И музыку эту дебилскую выключите.

Кто-то из мужчин послушно направляется в кабинет, а я смотрю на своих друзей. Плохих друзей, как для меня, так и для Паши. Мы оба с ним заблуждаемся много лет, а никто не посчитал нужным открыть нам глаза. Возможно, мы бы не послушались, но настоящие друзья не перестали бы стараться.

В дверях кабинета появляется мой муж. Выглядит он

ужасно. Встрепанный, заплаканный, с отчаяньем в глазах. Я ещё не успела перестроиться, не заглушила в себе любовь, поэтому при виде его страданий ощущаю боль в сердце.

Паша смотрит на меня мутным взглядом, фыркает.

– А вот и моя жена. Всё слышала, да? – Переводит взгляд на друзей. – Давайте, уговаривайте меня, что Лера лучшая из лучших. Что молчите? Все вы так думаете и постоянно меня этим грузите. – Выдыхает и хватается за волосы. Дёргает изо всех сил, как будто надеется, что боль приведёт его в чувство. – Не могу я так больше, Лера. Я старался, думал, что с годами станет легче, но всё... Не могу.

– Идиот ты, Павел! – Донцов подходит к нему быстрыми шагами и отвешивает оплеуху. – Завтра проспишься и будешь биться головой о стену. Такую женщину теряешь!

– Я уже бьюсь! Уже! Потому что потерял Таню. Снова потерял. Упустил второй шанс, она нашла себе хмыря какого-то.

Слушать, как твой муж страдает от любви к другой женщине, мучительно больно. Ослепительно. Ужасающе.

Но даже в такой момент я хочу остаться собой.

– Так что же это за любовь такая, если ты сразу сдаёшься? Ты и в прошлый раз не пытался отвоевать Таню у Клюева, и в этот раз не станешь даже пытаться? Если ты так сильно её любишь, то уговори её дать тебе шанс. Пусть бросит нового мужчину и будет с тобой.

Какое-то время Паша смотрит на меня, что-то в его взгля-

де проясняется, но потом его лицо перекашивает отвратительная гримаса.

– А вот и моя жена в полной своей красе. Всегда честная и благородная, да? Что вы все смотрите на меня с укором?! Отвалите от меня! Сговорились вы что ли? Раз Лера вся из себя прекрасная, то забирайте её. Вон пусть Яхонтов её забирает, он по ней слюни пускает...

И тогда я замечаю в дверях кабинета незнакомого мужчину, старше нас всех, с первыми проблесками седины.

– Полагаю, Яхонтов – это вы?

– Да. Валерий Яхонтов.

– Уф-ф-ф... Это как-то не очень.

– В каком смысле?

– Лера и Валера... М-да.

Незнакомец удивлённо изгибает бровь.

– Лера и Валера... в каком смысле?

– Как в каком? Меня же вам отдали. Так что пойдёмте!

Со всех сторон на меня обрушиваются голоса. Кто-то ругает Пашу, кто-то успокаивает меня и заверяет, что это дурная шутка...

Каждое сочувственное слово как брошенный в меня дроник. Морщусь от безумной боли. Моё тело дрожит и слабнет под натиском происходящего, корчится от болевого шока.

То ли Валерий Яхонтов это замечает и сочувствует мне, то ли и сам рад возможности убраться с этого праздника жизни, но он берёт меня под руку, машет остальным и ведёт меня

К ВЫХОДУ.

5

К счастью, за нами никто не следует. Это мой первый глоток удачи за сегодняшний день. Остальные гости слишком заняты тем, что спорят с моим мужем и друг с другом, чтобы пытаться нас задержать.

Мы с незнакомцем закрываем за собой дверь и останавливаемся на пороге.

Уход с вечеринки кажется мне символичным. Я оставляю всех позади. Вот только не знаю, что теперь. Не успела полностью осознать случившееся, принять резкую перемену в моей жизни и продумать следующий шаг.

Однажды девять с лишним лет назад я выбрала путь, а он только что закончился тупиком, и теперь вокруг полная неизвестность.

Стоящий рядом незнакомец по имени Валерий Яхонтов вздыхает, смотрит на меня, щурясь.

– Хочу сразу сказать... насчет слюней...

Не сразу понимаю, о чём он, но потом вспоминаю слова мужа, что Яхонтов пускает по мне слюни. Почему-то это вызывает непроизвольную усмешку.

– Значит, не пускаете? Паша соврал?

– Я вообще не в курсе, что означает фраза «пускать по кому-то слюни».

Задумываюсь о его словах. Наверное, это странная тема

для размышлений в такой момент, но я в таком глухом тупике, что не знаю даже, куда направить мысли.

– А ведь правда, при чём здесь слюни? Вы хоть когда-нибудь видели, чтобы мужчина пускал слюни, когда видит женщину?

Он встревоженно смотрит на меня, явно озадачен моим вопросом и несоответствующей ситуации усмешкой. После минутной задержки отвечает.

– Не могу сказать, что видел.

– Вот и я не видела. Зачем люди говорят такое, если это неправда? Ведь если женщина нравится мужчине, он думает о сексе, а слюни не имеют к этому отношения. Вот скажите, вы пускаете слюни во время секса?

– Э-э-э... Стараюсь не пускать.

Морщусь. Потираю ладонями лицо, размазывая помаду и тушь. Чёрт знает что говорю, меня несёт в непонятном направлении. Кажется, я балансирую на грани истерики, но не могу... не должна опускаться так низко. Не при посторонних.

– Простите, но мне сейчас не очень хорошо. Я поеду домой.

– Лера, вам сейчас нельзя садиться за руль. Я довезу вас до дома, а завтра могу подвезти обратно, чтобы вы забрали свою машину.

Впервые смотрю на него внимательно. Высокий, крупный мужчина лет сорока, совершенно незнакомый. Если охарак-

теризовать его одним словом, то я бы выбрала «строгий». А еще «незнакомый».

Смотрю на мою машину, запаркованную перед домом. Муж отдал мне свою старенькую, чтобы я научилась водить. Мы собирались купить новую на мой день рождения.

– Спасибо, но я как-нибудь сама справлюсь.

– У вас есть родственница или подруга, которая может остаться с вами сегодня? Вам нужна поддержка близкого человека.

– У меня есть подруги.

– Вы им позвоните?

– Нет. Они все там. – Показываю взглядом в сторону дома.

Почему-то после этого не хочется снова смотреть на моего спутника, поэтому я отворачиваюсь. Кажусь себе жалкой.

– Лера, вы, конечно, извините за вмешательство, но ваш муж... поручил вас мне, и я не могу вас оставить в таком состоянии. Вы только что пережили потрясение...

– А вы вообще кто? – Наверное давно пора было задать этот вопрос, ещё до того, как я предложила ему уйти вместе.

– Валерий Яхонтов, директор вашей бывшей школы. Я дружу с Лёшей Донцовым и ещё некоторыми из вашей компании. Мы с вами встречались у Донцова на праздновании нового года.

– Правда? Я этого не помню... Ах да, у меня перед новым годом был грипп, и я плохо себя чувствовала, наверное, поэтому.

– Мы встречались летом у Донцова на даче и в прошлый новый год тоже. – Усмехается. – Но не думайте, что я вас отчитываю за то, что вы меня не запомнили...

– Вы именно это и делаете. Мне принести дневник, или вы сразу позвоните родителям?

Он даже не улыбается в ответ на мою шутку. Видит, что мне совершенно не смешно.

– Я говорю это сугубо для того, чтобы вы поверили, что мы встречались с вами несколько раз, и я часть компании ваших друзей. Надеюсь, тогда вы позволите вам помочь, хотя бы довести вас до дома.

– Нет, спасибо. Вы не были директором школы, когда я училась, тогда была АнПална.

– Тогда я был учителем математики. Пришел в вашу школу за год до вашего выпуска.

– Вы меня не учили.

– Нет.

– Минутку... Я что-то слышала про нового директора. Вы тот самый «сухарь»?!

Смотрит на меня, изогнув бровь. Всё ясно и без ответа.

– Извините, мне не следовало этого говорить. Наверное, речь шла о другом директоре...

– Другом директоре моей школы?

В его глазах смех, а значит, он не обиделся на упоминание его прозвища. Ну и ладно.

– Послушайте... Когда я сказала: «Пойдёмте», я не име-

ла в виду, что мы и правда куда-то пойдём вместе, только выйдем за порог. Я... вообще не осознавала, что говорю. И Павел тоже не в себе. И то, что он предложил вам меня забрать... Вы же, надеюсь, понимаете, что это не всерьёз?! Если вы на что-то рассчитываете...

– Нет! – Он даже отступает на шаг от возмущения. – Я не собирался вас... забирать. Я ни на что не рассчитываю и не ищу... И жениться не планирую. Вообще. Но я чувствую себя ответственным за...

– Вы ни за что ни отвечаете. Я справлюсь сама, не волнуйтесь! Мне пора.

Спешно направляюсь к машине. Внутри нарастает отчаяние, заполняет душу чёрной тучей. Хочу скорее оказаться дома, чтобы выплакаться, выстрадаться, очистить душу от пепла моего брака. Без свидетелей.

Валерий идет следом.

– Тогда давайте я поведу вашу машину...

– Нет, спасибо. Пожалуйста, оставьте меня! Я хочу быть одна, без посторонних. Мне плохо, но мне не нужна помощь. Мне... Меня сейчас разорвет от горя, понимаете? – вырывается из меня внезапное признание.

Валерий смотрит на меня с сочувствием, ничего не говорит.

Вздыхаю. Порой сочувствие хуже пощёчины.

– Я не уверена, что вы меня понимаете. Если говорить математически, то мой муж подкинул мне основательный ко-

синус, и теперь в моей жизни полный котангенс, с которым я должна справиться сама, без помощи. Так понятнее?

Сажусь за руль, пристегиваюсь. Валерий не обижается на мои дурные математические шутки. Кладёт мне на колени карточку.

– Я поеду следом за вами до вашего дома. Если вам понадобится помощь, подайте сигнал. Если что-то понадобится позже, то позвоните. Уж в чём, а в котангенсах и косинусах я разбираюсь.

Бросаю на него последний взгляд и с быстрым «спасибо» захопываю дверь машины.

6

Яхонтов меня жалеет, и я это ненавижу. Не терплю удушливое сочувствие.

Умом понимаю, что вымещаю на невиновном и порядочном незнакомце отчаяние, вызванное другим мужчиной, однако ничего не могу с собой поделать. Мне слишком плохо. Горячее, густое горе кипит внутри и сочится из всех пор.

Отбрасываю карточку Яхонтова с его номером телефона. Как он представляет наше общение? Предположим, я позволю ему и скажу, что муж выгнал меня на улицу и мне негде жить, и что он тогда сделает? Поселит незнакомую женщину, чужую жену в своей квартире?

Прибежит ко мне посреди ночи, если мне захочется поплакаться ему в жилетку?

А вот возьму и позвоню ему назло, других жилеток у меня всё равно нет. Вот и будет ему наказание. В следующий раз не станет забирать чужих жен, которых ему отдают.

Ворча, пристёгиваю ремень безопасности.

Так приятно отвлечься на незнакомца и злиться на него без особой причины. Всё что угодно, только бы не думать о моей патовой ситуации. О браке, который взорвался перед моими глазами как мыльный пузырь.

Выруливаю с парковки. Замечаю, как следом пристраивается машина Яхонтова. Он машет рукой и кивает, подтвер-

ждая свое намерение следовать за мной, и от этого у меня вдруг выступают слезы на глазах.

Из одной крайности в другую!

Вытираю слёзы рукавом. Когда ведешь машину, плакать нельзя, но как же хочется! И это не из-за мужа и девяти лет обмана, а потому что незнакомый мужик – единственный, кому не всё равно, что со мной случится. Мы несколько минут разговаривали во дворе, но больше никто не вышел, не захотел проверить, как я держу удар, и убедиться, что со мной всё в порядке. Мои так называемые друзья обо мне не волнуются, а вот незнакомцу не всё равно.

Как так получилось?

Где я ошиблась с друзьями?

Я слишком доступная? Отзывчивая? Всегда та, у которой нет детей, и поэтому могу взять на себя больше обязательств, выйти лишний раз в ночную смену и в праздники, подвезти подруге лекарство, сделать укол чьей-то бабушке...

Опускаю взгляд на приборную панель и обнаруживаю, что в два раза превышаю лимит скорости. Яхонтов упорно едет за мной, не отстает, хотя для его директорской души нарушать правила должно быть мучением.

Снижаю скорость, не стану мучить единственного человека, который вызвался мне помочь. Настойчиво, но не навязчиво и без наглости. Не стал читать нотации и запихивать меня в свою машину против воли. Проявил уважение, а это многого стоит. Но на этом всё. Дальше я справлюсь сама.

То и дело поглядываю на него в зеркало. Когда мы въезжаем в город, сворачиваю в первый попавшийся переулок и останавливаюсь около многоэтажки. Высунувшись из окна машины, машу Яхонтову рукой.

Всё, приехали. Ему пора, мне надоело ехать конвоем. Иллюзия того, что мы друзья, не причинит мне ничего, кроме вреда.

Яхонтов продолжает сидеть в машине. Он что, ждет, когда я зайду в подъезд? Мне теперь прятаться на чужой лестнице, пока он не уедет?

Детский сад какой-то...

Подхожу к его к машине и складываю руки на груди. Он открывает окно.

– Всё, вы меня проводили до дома, спасибо вам большое. Можете ехать, – говорю не особо вежливо.

– У нас был договор, что я провожу вас до *вашего* дома.

– Во-первых, никакого договора у нас не было, а во-вторых, это и есть мой дом.

– Если так, то я провожу вас до квартиры.

Мне что, теперь в чью-то квартиру вламываться, чтобы избавиться от Яхонтова?!

Он вздыхает.

– Лера, ваш муж сегодня рассказывал о строительстве торгового центра перед вашим домом, поэтому я знаю, где вы живёте. Если вам так хочется от меня избавиться, то хоро-

шо, я сейчас уеду. Однако мне было бы спокойнее, если бы я знал, что вы дома и в безопасности.

Какое-то время мы молчим, и я ощущаю странную неловкость.

– Мне не нравится быть жалкой и нуждающейся в помощи, – внезапно признаюсь шепотом.

– Поверьте, Лера, в сложившейся ситуации вы единственная, кто не выглядел жалкой.

Он говорит это спокойно и серьёзно, как и полагается директору школы. А у меня от его слов внезапно теплеет на душе, как будто в ней рождается маленькая крупица силы.

Киваю в знак благодарности, потому что не доверяю словам и слезам в голосе. Возвращаюсь в машину и еду домой, теперь уже по правильному адресу. Помахав Яхонтову на прощание, захожу в подъезд. Поднимаюсь по лестнице, на каждом повороте выглядываю в окно. Он не уезжает. Только у самой двери квартиры понимаю, что он ждёт, когда зажжётся свет. А ведь даже не знает, на каком этаже я живу.

Включаю свет в гостиной, подхожу к окну и машу рукой. Через несколько секунд зажигаются фары.

Яхонтов уезжает.

Его визитка у меня в кармане. Что-то изменилось, когда мы остановились во дворе незнакомого дома, между нами натянулась невидимая нить доверия. Пока что слабая и тонкая, но хоть что-то. Я уже не одна. Если понадобится, я обращусь к нему за помощью.

Несмотря на включенное отопление, дома холодно. Всего за один вечер моя квартира потеряла душу, ощущение семьи, и теперь кажется нежилой. Стала холодными стенами. Даже мебель и вещи теперь кажутся не на своем месте, как будто стоят тут временно в ожидании переезда. Развода.

Развод.

Мошенничество. Распад семьи. Два значения одного слова. Никогда не представляла себя в разводе, потому что всю жизнь меня интересовал только один мужчина. Тот самый, которого всегда интересовала другая женщина. И до сих пор ничего не изменилось.

Мошенничество.

Смотрю по сторонам. Удивительно, но за девять лет совместной жизни мы не накопили много вещей. Мебель выбрали качественную, но не забивали комнаты доверху, на стены ничего не вешали, не коллекционировали, не складывали на антресоли. Мы не из тех, кто хранит вещи без надобности.

Мы. Обманчивое слово. Как оказалось, можно жить в одной квартире, спать в одной постели с мужчиной, но при этом не быть вместе. Нашего «мы» не было, душа Павла жила в другом месте.

Мошенничество.

Раздел имущества займет от силы полчаса, а потом мой

счастливый брак исчезнет. Останутся только вещи, банкноты, прикроватный столик, мои любимые часы. Не возьму с собой никаких воспоминаний, ни одного, избавлюсь от всех них. Какой смысл сохранять воспоминания, если все они были ложными? Даже наша свадьба, звонкое и горячее счастье медового месяца, походы в горы летом, ужины из одной тарелки, «любимая, кончи для меня», «иди скорее в постель, Лера, мне без тебя не заснуть» – всё это было ложью.

И ведь вроде держу себя в руках, по крайней мере, очень стараюсь, однако внутри творится что-то страшное. Взрыв памяти. Все самые щемящие, любимые, страстные, прекрасные моменты нашего брака лезут наружу и напоминают о себе.

Когда я возвращалась с ночной смены, всегда находила завтрак на столе или в духовке.

Во время снегопадов Паша не разрешал мне водить, волновался за меня и сам возил меня на работу.

Он приносил мне в постель носки, когда у меня мерзли ноги.

Никогда не прощался без поцелуя.

Как это могло быть ложью? Как?!

Мне страшно говорить обо всём этом в прошедшем времени.

Однако всё то время Паша мечтал о другой женщине.

Даже когда был во мне.

Более того, он договаривался разделить с ней будущее,

ждал подходящего момента.

Мне безумно страшно, до дрожи, но боюсь я не будущего, а потерянного времени. Пустых, пропитанных ложью лет, которые вычеркнула из моей жизни. Провела с фантомом мужчины, малой частью его души.

Я безумно устала, но...

Смотрю на нашу постель и не могу ее коснуться. Кажется, я вижу пятна лжи на простынях.

Опускаюсь на пол, закрываю лицо ладонями. Твержу себе, что нельзя так думать, неправильно считать последние девять лет потерянными. С моей стороны все было искренне. Я любила мужа и была счастлива провести с ним эти годы. Незамутнённое счастье в незнании.

Всё это время он хотел другую женщину, любил её, мечтал о ней, ждал.

А ведь Паша планировал наше будущее. Походы, поездки, покупки... Дети. Сказал, что, если к тридцати годам нам не удастся забеременеть, обратимся к врачу.

Он сказал «нам». *Мы* любили друг друга, *мы* пытались забеременеть. Так говорят только лучшие из мужей.

Прижимаю колени к груди, делаю глубокий вдох и отпускаю себя. Высвобождаю наружу кипящий во мне ведьминский котел эмоций. Рыдаю, реву в голос, словно выворачиваю себя нутром наружу. Меня трясёт, корёжит, бьёт в судорогах. Счастливая, любящая часть меня умирает, оставляя за собой пустоту.

Не знаю, как долго я так сижу, возможно, отключаюсь на какое-то время. За окном просыпается город, солнце бесстыже заглядывает в окно, подглядывая за моим жалким состоянием.

С трудом поднимаюсь и на дрожащих ногах иду в душ. Смываю с себя происшедшее, растираю кожу до красноты. Обернувшись полотенцем, смотрю на себя в зеркало и улыбаюсь. Горе не изменило меня, я всё та же, а если отломился кусочек сердца, то кто это заметит? Моя тайна надёжно спрятана внутри.

Выйдя в спальню, накидываю халат и направляюсь на кухню.

На полпути замираю, услышав шуршание за спиной.

Страх захлестывает всю меня внутри и снаружи. Медленно оборачиваюсь, не зная, что или кого увижу за спиной.

На полу прихожей у самой двери лежит мой муж. Он в той же одежде, в какой был у Донцова. Его глаза закрыты, он спит.

Появляется тревожная мысль, что здесь он может простудиться, однако отгоняю её. Здоровье и благополучие мужа теперь уже не моя забота.

Разворачиваюсь и иду на кухню, когда слышу его голос.

– Я лежу здесь, чтобы ты не смогла от меня уйти. Мне нужно прийти в себя, а потом мы поговорим.

И правда, он загородил дверь своим телом. Готовится меня остановить, если я попытаюсь уйти. Нет, не если, а когда.

– Во-первых, я ещё не решила, разговаривать с тобой или просто развестись. А во-вторых, если я решу уйти, ты не сможешь меня остановить.

Паша поднимает голову, смотрит на меня мутными, покрасневшими глазами.

– Если ты меня бросишь, я умру.

8

– Обязательно умрёшь, лет через шестьдесят.

С этими словами я продолжаю путь на кухню. Опираюсь ладонями о кухонный стол, всеми силами подавляю в себе ярость и отчаяние.

Если я его брошу, он умрёт, видите ли! Вчера раздавил меня, унизил при друзьях и знакомых, отдал другому мужчине, как опостылевшую вещь, а теперь немного протрезвел и пытается мной манипулировать.

Вымещаю злость на кофейнике – гремлю крышкой, чуть не отламываю ручку, – и становится немного легче. Сегодня суббота. В эти выходные я не работаю, поэтому поеду к родителям за город. Отдохну, справлюсь от шока и подам на развод.

Пока пью кофе, прислушиваюсь к тишине в коридоре.

Как давно муж вернулся?

Если судить по его внешнему виду, то он полз сюда от дома Донцова или кто-то волочил его по земле. Весь в грязи, волосы всклокочены, на замазанном лице только глаза и видны. Если сунется в таком виде на кухню, оторву его лживую голову.

Смотрю по сторонам.

Завтракать не хочется.

Меня распирает от необходимости убраться как можно

дальше отсюда. Не хочу никаких разборок и закрытых гештальтов, мне незачем прояснять прошлое, – что случилось, когда и почему. Сколько раз Паша встречался с Таней, что они делали, как часто звонили друг другу – всё это несущественно и не изменит главного: муж лгал мне от начала до конца.

Я просто хочу уйти.

Спешу в спальню, по пути нарочно не смотрю на спящего на полу Павла. Собираю вещи, отправляю родителям сообщение. Для звонка слишком рано, мама любит поспать по утрам, но они с папой всегда мне рады.

Выхожу в коридор, надеваю кроссовки. Паша молча следит за моими сборами. Он весь в грязи от ботинок до кончиков волос – и где только так извалялся? Весной всегда грязи полно, но у нас во дворе сухо.

Предчувствую, что выйти из квартиры будет непросто. Делаю глубокий вдох, готовясь к противостоянию.

– Не позаботишься обо мне? Оставишь так лежать? Тебе наплевать, да? – цедит муж, не двигаясь с места. – А мне, между прочим, плохо.

– Мне тоже, Паш. Мне тоже очень плохо.

Подхожу к нему вплотную, тянусь к дверному замку, когда муж хватает меня за лодыжки и дёргает. Еле удерживаюсь, чтобы не рухнуть на него всем телом. Оказываюсь на коленях на полу рядом с ним.

Морщусь от боли, синяки будут большими и красочными.

– Ты не уйдёшь, пока не поговорим, – категорично отрезает муж. – Я надеялся сначала немного оклематься, но раз тебе приспичило строить из себя униженную и оскорблённую, то давай всё обсудим прямо сейчас. Я не собираюсь тебя бросать.

Его слова настолько наглые и невыносимые, что я... смеюсь, неожиданно даже для самой себя.

Прикладываю ладонь к груди в притворном облегчении.

– Ой, спасибо, а то я так волновалась!

– Не иронизируй и не притворяйся! Ты всегда знала, что я люблю Таню. Ты видела, как я страдал по ней в школе, и должна была понимать, что такая любовь не проходит. Мне просто повезло влюбиться во второй раз, в тебя. Когда мы с тобой увиделись на школьном вечере встречи, я словно впервые тебя разглядел. Ты показалась мне такой интересной и красивой, что было невозможно тебя отпустить. У нас с тобой всё хорошо, Лера, я всем доволен. Прости меня за вчерашнее, ты не заслужила такого гадкого отношения. Прешлой ночью я съехал с рельсов и вообще не помню, чего наговорил. Ты уже знаешь, что произошло с Таней, – она развелась и не позвонила мне, хотя мы ещё в школе обещали друг другу, что будем вместе при первой возможности. Я пожаловался друзьям, а они стали петь тебе дифирамбы, вот меня и накрыло. Я люблю и тебя, и Таню, вас обеих, а это непросто. Прошу тебя, не притворяйся, что ты об этом не знала. Я всегда буду любить Таню, а теперь и тебя тоже. Но

семья у меня только с тобой, а Таня выбрала другого.

Я так давно не моргала, что зудит глаза. Словно парализована словами мужа, вернее, инопланетянина, который внезапно вселился в обычно резонного и приятного Павла.

– Я тебя люблю, – повторяет он. Голубые глаза выделяют-ся на покрытом грязью лице.

– Любишь? Не пристало говорить такое чужой женщине.

– Какой еще чужой?!

– Ты отдал меня Яхонтову.

Поднимаюсь на ноги, беру сумки с пола и открываю дверь. Паша снова хватается меня за ногу, но я вырываюсь, переступаю через него и выскакиваю на лестничную площадку навстречу изумленной соседке.

– Так и бросишь меня в таком состоянии?! – орет Павел.
– Совести у тебя нет!

Соседка видит Павла на полу и пытается заглянуть в квартиру. Она вообще любопытная и в Паше души не чаёт. Как только он открывает дверь квартиры, она сразу выходит на лестницу в откровенном пеньюаре и шлёпанцах на каблуках. Притворяется, что выносит мусор.

Захлопываю дверь перед носом соседки.

– Я столько вложил в нас с тобой, в нашу семью, столько построил, а теперь вот какую плату получаю в ответ! – продолжает кричать муж.

– Паше нехорошо? – спрашивает соседка.

– Да.

– Что его расстроило?

– Цены на недвижимость, – отвечаю, сбегая вниз по лестнице.

Родители живут в милом коттеджном поселке с тихими улочками, окультуренной парковой зоной и любопытными соседями. Мама пишет любовные романы про оборотней и их истинные пары. Причем хорошо пишет, плодovито, на целых пол-коттеджа настрочила. Читательницам хочется верить в истинные пары и надежные метки принадлежности, ведь в реальной жизни таких гарантий не получишь. На вторую половину коттеджа заработал папа, он заведует больничной лабораторией. Как раз у него я унаследовала интерес к медицине, когда в детстве приходила к нему на работу.

Пользуясь своими ключами, отпираю дверь и захожу в родительский дом.

Папа на кухне, шуршит журналом и уплетает сладкие булочки, которые ему нельзя из-за диеты. Смотрит на меня умоляющими глазами котёнка из «Шрека». Просит, чтобы я не ябедничала маме.

Маму я нахожу в её творческом кабинете за работой. Какое-то время она невидяще смотрит на меня поверх очков, потом спрашивает.

– Что лучше звучит, *магический жезл* или *волшебный*?

Лавируя между стопками книг, нераспечатанной почтой и газетами, расчищаю себе место и устраиваюсь на стуле.

– Наверное, волшебный. Это как в Гарри Поттере?

– Что? – Мама непонимающе хмурится. – Какой еще Гарри... А, нет, я о другом жезле. Вот смотри, героиня говорит: «Твой волшебный жезл пронзил меня любовью. Я твоя, о мой Альфа!» В этом контексте лучше «волшебный» или «магический»?

Я должна была сразу догадаться, о каком жезле речь. Мамины романы как раз и популярны из-за очень эмоциональных сцен такого рода «волшебства».

– Оба прилагательных подходят. Главное, чтобы жезл не был блуждающим, – добавляю едко.

– В каком смысле...

За пару секунд мама настраивается на мою волну. Она всегда схватывает на лету, мы с ней можем общаться почти без слов.

– Паша тебе изменил?! Ты в этом уверена?

– Хуже, чем изменил, мам. Намного хуже. Он нас перечеркнул. Все девять лет насмарку.

– Не может быть! Он же к тебе всегда так душевно относился, и нам был как родной... Ты точно уверена?

От мамы у меня секретов нет. Она знала о моей безответной школьной любви и о вечере встречи выпускников. В своё время она спрашивала меня о Тане, но в последние годы мы о ней не вспоминали. «Мы» – это мама и я. В отличие от нас, мой муж прикипел мыслями и сердцем к своей несостоявшейся бывшей.

Так вот, мне не нужно подробно объяснять моей осведом-

ленной маме все детали случившегося. Единственное, в чем я не могу себе отказать, так это в имитации рыданий мужа и его горестных и очень публичных признаний.

После того, как я заканчиваю рассказ, мама долго молчит. Наивная, я решаю, что она волнуется обо мне, расстраивается и переживает. И только когда она выхватывает из пучка волос карандаш и начинает яростно строчить заметки, я понимаю, что мои любовные перипетии станут сюжетом очередного романа.

– Я надеюсь, ты от него ушла? – спрашивает мама, не отрывая карандаша от бумаги.

– Да.

– Молодец! Поживешь у нас. Вещи с собой привезла?

– Да, но не все. Только документы и одежду на неделю. Надеюсь, папа поможет мне забрать остальное.

– Конечно, поможет, и я тоже подсоблю. А Пашу твоего... мордой об асфальт. Не мы, конечно, а жизнь это сделает, вот увидишь. Посмотри... – Достает с полки три книги и кладёт передо мной. – Помнишь мой цикл «Про нежность Альфы»?

– Э-э-э... не очень.

Число маминых книг измеряется десятками, и, честно говоря, я в них путаюсь. Хотя этот цикл был одним из самым популярных. Возможно потому, что при быстром произношении слов «про нежность», это название намекало на весьма пикантное содержание.

– В мире Белой Луны у Альфы может быть только одна

предназначенная ему единственная. А вот женщине дарована совместимость с разными Альфами и даже с Бетами. В первом томе Альфа был груб со своей единственной, удерживал её против воли. Она сбежала и стала счастлива, а он без неё погиб. А во втором...

– Мам?

– Что? Ах, да, к чему это я... Ты единственная Паши, другой у него и быть не может. Я помню его в школьные годы. Ты уж прости меня, но он был тоскливым замухрышкой, даже на Бету не тянул. Что ты в нём видела в своих розовых очках, я не знаю, но факт остается фактом: мужчиной он стал только после того, как влюбился в тебя. Ты единственная для твоего мужа, и тебя никем не заменить. Что бы он там ни думал про Таню, время покажет ему, что он неправ. Но к тому времени, как он это поймет, ты уже будешь на склоне Килиманджаро с Дерекком и вашими близнецами... Нет, подожди... Это, по-моему, уже где-то было... во втором томе... – Забыв обо мне, мама увлеченно строчит сюжет нового бестселлера на обертке рогаликов, наверняка конфискованных у папы.

Ощущаю вибрацию в кармане. До мамы все равно больше не достучишься, вдохновение делает её глухой, поэтому достаю телефон и смотрю на экран.

Звонит Нелли Сергеевна, мать Паши. Вижу несколько пропущенных от неё.

Ну вот, начинается... Сынок уже пожаловался мамочке.

Впрочем, я сделала то же самое, так что счет ровный.

Не могу сказать, чтобы у нас с Нелли Сергеевной были плохие отношения, но Паша её свет в окошке, и это осложняет ситуацию. Такой яркий свет, что по сравнению с ним всё остальное блекнет. С Пашиным отцом Нелли Сергеевна давно развелась, пару лет назад вышла на пенсию, и теперь единственный сын стал для неё смыслом жизни. А вторым смыслом для неё стала миссия следить, чтобы я хорошо ухаживала за Пашей. Угодить я ей не пытаюсь, давно поняла, что это невозможно. В последние месяцы общаться с ней становилось всё сложнее, особенно когда она заводила речи о том, что её сынок главный инженер в престижной компании, а я «всего лишь» бездетная медсестра. Однако это «всего лишь» было действительным и актуальным только когда свекровь была в добром здравии. А как только она нуждалась в уходе, я становилась «деточкой» и «Лерочкой», и моё присутствие требовалось в срочном порядке.

Смотрю на её имя на экране и морщусь. Разговаривать с ней не хочется, не сейчас. Однако и откладывать неправильно. Скажу всё как есть. Пусть знает, какой у неё распрекрасный сынок.

Только нажимаю на кнопку ответа, как из телефона доносится крик.

– А, ответила все-таки! Стыда у тебя нет. Медсестра, называется! А ведь я всегда знала, что у тебя сволочная душа. Так Паше и говорила, а он, наивный, тебе верил. Считал тебя

чуть ли не святой. Говорил, что ты всем всегда помогаешь в ущерб себе, что на работе тебя считают лучшей медсестрой больницы... Но пришло время, и ты показала своё истинное лицо. Хотела убить моего сына, да? Собиралась избавиться от моего мальчика? Знай, тебе это с рук не сойдет. У нас и свидетели есть. Твой любовник разбил Паше череп, мой сын приполз к тебе за помощью, лежал на полу почти без сознания, а ты перешагнула через него и ушла. Гадюка ты, змея подколотная...

От свекрови я ожидала чего угодно, но эта ненавидящая тирада застаёт меня врасплох.

Я хотела *убить* Пашу?!

Мой любовник разбил ему череп? Какой еще любовник?! Да и что это значит, *разбил* череп. Череп не ваза, чтобы её разбивать.

По словам Нелли Сергеевны, муж приполз ко мне за помощью уже с «разбитым» черепом, однако ничего такого я не заметила. Паша выглядел пьяным и грязным. И да, я через него перешагнула и ушла, и правильно сделала.

Только...

Что если я действительно просмотрела повреждения? Я вообще старалась не смотреть на мужа, было противно. Но и он не сказал мне, что его избили, и уж про то, что у него что-то с головой, точно не говорил. Разговаривал нормально, даже произнес целую обвиняющую речь, когда я вышла на лестницу. И двигался он тоже без проблем, ничто не помешало ему схватить меня за лодыжки и опрокинуть на пол. Ногами тоже двигал... вроде как.

Он возмутился, что я оставляю его на полу и не собираюсь ему помогать, но в тот момент я была уверена, что речь идет о похмелье. Да и он сам сказал, что спит на полу, чтобы не позволить мне уйти. Про свою голову он вообще ничего не

говорил...

Пока Нелли Сергеевна продолжает меня уличать меня во всех возможных преступлениях против её драгоценного сына, я заново переживаю последние несколько часов, пытаюсь найти возможную ошибку. Ничего не нахожу.

А тем временем свекровь продолжает фонтанировать ядом. Что-то про министерство здравоохранения, которое заклеямит меня позором и отберет мой диплом и трудовую книжку.

Мне почему-то кажется, что Нелли Сергеевна всю жизнь готовилась, даже надеялась в чём-то меня уличить, поэтому продумала наказание в малейших деталях. И вот, наконец, получила шанс.

Всё это звучит очень эмоционально и угрожающе, только не совсем понятно, зачем министру здравоохранения моя трудовая книжка.

Держу телефон на расстоянии от уха, боюсь оглохнуть. Стою в коридоре, чтобы не отвлекать маму.

Мимо проходит папа. Кивает на телефон и с пониманием морщится.

– Нелли Сергеевна, да?

Она самая. А кого ещё можно услышать на расстоянии без динамика?

Свекровь не собирается сбавлять темп. Мне уж очень не хочется слушать, как мои злодеяния станет расследовать Всемирная Организация Здравоохранения, поэтому сбрасы-

ваю звонок.

Однако на душе неспокойно.

Кажется, я упустила что-то важное, и теперь меня мучает плохое предчувствие. Дело не в криках свекрови, и не в предательстве Паши, и не в его претензиях, а в том, что я бы никогда сознательно не оставила больного человека без помощи. Друга или врага.

У этого правила есть только одно исключение. Я не собираюсь помогать моему предателю мужу лечить похмелье после пьянки, вызванной отказом его несравненной возлюбленной и, возможно, любовницы.

Но если ему и правда было плохо по другой причине...

Что значит, *разбил череп*? Что с Пашей?

Если мой любовник чем-то ударил Пашу по голове, то...

Тьфу ты! Какой на фиг любовник? У меня никого нет.

Несмотря на неприятную ситуацию, начинаю смеяться. Над собой, конечно. Так глубоко задумалась, что чуть не поверила в обвинения свекрови.

Спускаюсь на кухню, делаю кофе. Отношу маме её чашку. Иду на цыпочках, чтобы не спугнуть её вдохновение, однако она меня замечает. Вопросительно изгибает бровь.

– Это Нелли Сергеевна транслировала свое недовольство на весь район?

– Она самая.

– И в чем она обвиняет тебя в этот раз? В том, что ты имела глупость полюбить её паскудника сына?

Делаю глоток кофе, потом ещё один. Отвечать не хочется. Даже думать не хочется об idiotских обвинениях Нелли Сергеевны.

– Она пребывает под впечатлением, что мой любовник ударил Пашу по голове.

– У тебя есть любовник?

Становится смешно от радостного выражения на маминном обычно спокойном лице.

– Если есть, то я о нём не знаю.

– Ничего, скоро найдёшь, – отмахивается мама.

– Мне бы от мужа сначала избавиться, а уж потом буду искать любовников. Хотя дело даже не в этом обвинении. Нелли Сергеевна считает, что я знала о Пашиной травме, но отказалась ему помогать и бросила его одного.

А ещё Нелли Сергеевна сказала, что у них есть свидетель.

Насчет этого у меня сомнений нет. Соседка с радостью сделает всё, о чем Паша ее попросит. Она и правда была свидетельницей, только не того, о чём говорит свекровь. Соседка видела, как я уходила от Паши, а он кричал мне вслед обвинения.

Какое-то время мама смотрит на меня, потом вздыхает.

– Знаешь, что я тебе посоветую? Найди любовника.

Закатываю глаза. Чего еще можно ожидать от мамули, кроме как такого совета?

– Вот прям сейчас пойду и буду искать!

– Идти не надо. Лучше позвони тем, кто был на вечеринке,

и попробуй узнать, кто избил Пашу.

– А, ты имеешь в виду *того* любовника.

Морщусь. Мне совершенно не хочется звонить никому из бывших друзей. И узнавать у них тоже ничего не хочется. Однако, если свекровь действительно начнет распускать слухи, было бы неплохо заручиться свидетелями ночных событий.

Оставляю маму творить и выхожу на веранду.

Перебираю в мыслях всех мужчин, которые были на вчерашней вечеринке. Там была пара ребят, которые приглашали меня на свидание в школе. Но это были только эпизоды, ничего особенного. И уж они точно не станут нападать на Пашу из-за того, что он меня оскорбил.

Кто ещё? Яхонтов? Нет, точно не он. Директор школы ни за что не полезет в драку. Он верит в силу слова и всё такое. Максимум посмотрит на Пашу презрительно, что он и сделал, когда мы уходили. И отчитал Пашу, как нерадивого старшеклассника.

Кто ещё? Донцов?

Вот это возможно. Лёша вообще парень зажигательный. В младших классах так вообще постоянно лез в драки. Теперь он, конечно, солидный мужик с деньгами и репутацией, да и пузико наел такое, что подходит только если для борьбы сумо.

Как будто ощутив, что я о нём думаю, звонит Донцов.

Отвечать на звонок не хочется. Вообще не собиралась с ним общаться, по крайней мере какое-то время. Однако теперь он звонит очень кстати. Необходимо кое-что выяснить.

– Лера, привет... Как ты?

Хотя бы имеет совесть ощущать себя виноватым, и то ра-

дось.

– Все хорошо, прекрасный маркиз.

– Ладно, не иронизируй. Короче, мы всё ещё здесь, до сих пор не разошлись. Не знаем, как перед тобой извиниться. Так ничего и не придумали, поэтому выбрали меня за главного, чтобы я позвонил и попросил тебя с нами поговорить. Получилось очень по-свински, как будто мы все знали о том, что Паша тебя обманывал, но при этом ничего тебе не говорили.

– А разве было по-другому?

– Нет, но... Всё не так однозначно. Ты ведь и сама видела, как Паша бегал за Танькой в школьные годы. Чего только не вытворял, чтобы привлечь её внимание. Такие сильные первые чувства никогда не забываются. Ну... Мы думали, ты об этом знаешь. И когда ты вышла за него замуж, мы решили, что тебе всё равно и ты готова принять его на любых условиях. Это твоё дело, поэтому мы не стали вмешиваться. Мы надеялись, что со временем у Паши всё погаснет к Тане, и проблема разрешится сама собой. Вы с ним жили счастливо, поэтому мы перестали волноваться. Но потом он снова начал... Короче, мы лоханулись. Тогда уже не знали, как тебе сказать и стоит ли. Ведь если вмешиваться, то надо было это делать в самом начале. А мы упустили возможность, и с опозданием влезать не хотелось. Таня была замужем, и мы надеялись, что у них с Пашей не получится ничего серьезного...

– Хватит! Я все поняла. Все вы знали с самого начала, что муж меня обманывает, однако никто меня не предупредил. Вы решили, что я взрослая и сама должна знать. А потом всё стало намного хуже, но вы трусили. Не захотели лезть в чужую жизнь. Правильно суммировала?

– Нет, Лер, погоди...

– Это ты погоди. За всё то время, когда я приезжала к вам с женой, помогала вам, лечила ваших соседей и их детей, у тебя не нашлось лишней минутки и капли смелости, чтобы сказать мне правду? Я спрашиваю лично тебя, а не всех остальных. Ты смеялся со мной, разговаривал, смотрел мне в глаза, но при этом знал, что мой муж влюблен в другую женщину и ходит к ней. Однако ничего мне не сказал.

– Блин, Лера, всё не так просто.

– Всё именно так просто. Обычно очень сложные истории можно свести к простым фактам. Но я рада, что ты позвонил, потому что у меня есть к тебе пара вопросов. Что случилось после моего отъезда?

– Ничего особенного. Паша ещё немного буянил, потом успокоился. Я пытался заставить его остаться у нас на ночь, но он категорически отказался. Сказал, что ему срочно нужно с тобой поговорить, и вызвал такси.

– Мужчина, который меня предал и оскорбил меня перед друзьями, решил поехать домой, чтобы и дальше меня донимать. Ты не подумал, что его стоит остановить?

– Я пытался!

– Вас сколько там было, мужиков? Все пытались остано-
вить Пашу, но не справились? Хотя ладно, забей. И так все
понятно. Следующий вопрос...

– Знаешь что? Если ты будешь обвинять меня в чем по-
пало, то я не стану отвечать на твои вопросы.

– Когда я уезжала, мой муж клялся в вечной любви к Тане
и пытался от меня избавиться. Приехав домой, он сменил
мелодию и стал пытаться меня удержать. Что вызвало эту
внезапную перемену?

– Об этом мы и хотели с тобой поговорить. Паше только
кажется, что он влюблен в Таню, а на самом деле он в тебе
души не чаёт...

– Ой, как мило! Я прослезилась. А теперь ответь на мой
вопрос. Что вызвало эту разительную перемену?

– Паша немного протрезвел и пришёл в чувство...

– Хватит врать! Кто из вас его избил?

Какое-то время в телефоне молчание. Я уже собираюсь
возмутиться, когда Донцов наконец отвечает.

– Яхонтов.

Что?!

Спокойный, уравновешенный директор школы Валерий
Яхонтов?!

– Не может быть! Он поехал со мной, проводил меня до
дома.

– Вот и я думал, что не может быть. Валера уравновешен-
ный, спокойный мужик, и никто от него такого не ожидал.

Он вернулся после того, как тебя проводил. С порога набросился на Пашу, как зверь. Выволок его на улицу, и там они подрались. Послушай, Лера, я не знаю, что там между вами случилось, но Яхонтов никогда так себя не вёл. И с Пашей у него проблем не было, он сидел с ним полчаса, успокаивал. А когда вернулся, словно бешеный был. Только если что, учти, что Паша первый его ударил. Яхонтов орал на него, а Паша дал ему в челюсть. И вот тогда Валеру торкнуло.

12

В телефоне десяток пропущенных звонков от мужа и три со смутно знакомого номера. Свекровь догадалась, что я её заблокировала, и зашла к соседке. Новость о нашем семейном скандале уже распространяется. Соседка свекрови иногда звонит мне посоветоваться насчёт диеты, хвалит меня и профузно благодарит. Однако не удивлюсь, если сейчас она встанет на сторону Паши. Ничему уже не удивлюсь.

Мне зябко, даже немного страшно.

Моя жизнь была интересной, надёжной и наполненной. У меня было много друзей и хороших знакомых. Я помогала им, делилась позитивом. Ко мне обращались за помощью, и мне это очень нравилось. Я люблю людей, люблю быть нужной и приносить радость.

И я люблю... любила мужа.

А теперь у моей жизни выпало дно. Под ногами пустота, и я вишу в воздухе, из последних сил держась за остатки того, во что верила. Дело не столько в предательстве окружающих, сколько в том, что я теперь сомневаюсь в самой себе, в своих суждениях и поступках. Получается, я совсем не знала мужа. Вышла за него замуж, не снимая розовые очки. Приняла снисходительные, приятельские отношения за любовь. Была для него всего лишь приемлемым запасным вариантом.

Окружающие об этом знали и позволяли мне жить в счаст-

ливом неведении. А я доверяла окружающим и ни о чём не подозревала.

Мама выходит на веранду, накидывает мне на плечи шаль.

– Нашла своего кулакастого любовника?

– Вроде как нашла. Паша подрался с другом Донцова, который работает директором нашей бывшей школы.

– Директором?! А как насчёт того, что «проблемы надо решать словами, а не кулаками», или что там учителя проповедают?

– Вот и мне странно, что он так поступил, тем более что мы почти не знакомы. Неужели он ввязался в драку из-за посторонней женщины сугубо из чувства справедливости? Что-то не верится. Только если... Возможно, у него были другие причины для ссоры с Пашей.

Вернее, одна особая причина – Таня.

Затягиваю шаль потуже, делаю глубокий вдох, собираясь с силами. От такого поворота мыслей мне только хуже.

Мы с Яхонтовым не знакомы.

Он уговаривал Пашу вернуться ко мне и забыть о Тане.

Проводил меня домой, а потом вернулся и подрался с Пашей. Явно не из-за меня, а значит, остаётся только Таня. В школе она многим нравилась и всегда активно поощряла поклонников, даже когда уже встречалась с Ключевым. Возможно, она запомнилась молодому учителю математики Валерию Яхонтову, и теперь, по прошествии лет он тоже ждёт,

когда она станет свободной, и надеется стать следующим в очереди.

Как же всё это гадко!

Мне всё равно, что с ними случится. Хочется выйти из всей этой истории на свежий воздух и оставить их позади.

– Ладно, Лера, хватит корчить трагичную моську! Лучше займись делом. Твой отец опять всё утро шуршал углеводами, поэтому заставь его пройтись в парке. И сама подышишь свежим воздухом, глядишь и успокоишься.

– Я спокойна, мам. И моську я корчу не трагичную, а гадливую. Мне противно.

– Ещё бы! Девять лет козлу под хвост. Ты верила Паше, строила планы, а он...

– Обидно, конечно, но я это переживу. Все люди живут теми или иными заблуждениями. В мире столько грязи, что приходится на некоторые вещи закрывать глаза. Вот вы с папой тоже живёте заблуждениями, но при этом счастливы.

– Чего-чего?! Да чтоб ты понимала, у нас идеальный брак!

– Отец не знает, что ты пишешь эротику. Он искренне верит, что ты автор подростковых сказок про волков.

– Ему нельзя эротику, у него высокое давление. – Мама фыркает.

– Тебе повезло, что он вообще не читает книги, только газеты и журналы, иначе бы давно тебя раскусил. Счастье в незнании. Вот и я совершенно спокойно жила своими заблуждениями и была счастлива. Целые девять лет у меня был

любимый муж и хорошая жизнь. Грех жаловаться. Однако теперь пора двигаться дальше.

Мама уходит, а я дремлю на террасе, укутавшись в шаль. Мне нужен отдых, перезагрузка, а с понедельника я выйду на работу и начну новую жизнь. Подаю на развод, постараюсь договориться с Пашей насчёт имущества. Если не получится, то найму адвоката.

Не хочу вспоминать о прошлом, искать в нём мои ошибки. Всё это позади. Хорошо, что у нас нет детей, так намного проще расстаться навсегда.

Умиротворённо дремлю, ни о чём не думаю.

До того момента, когда звонит телефон. Не собираюсь отвечать, но потом узнаю номер. Сверяю его с визиткой в кармане. Мне звонит не кто иной, как драчливый математик и директор школы Валерий Яхонтов. Разговаривать с ним не хочется, однако я встревожена новостью о драке и угрозами свекрови, поэтому не откажусь от возможности задать ему пару вопросов.

– Было непросто найти ваш номер. Ваши друзья охраняют его всеми силами. Лера? Вы меня узнали?

– Да.

Насчёт друзей сказать нечего, у меня их нет.

– Тогда я сразу перейду к делу. Я избил вашего мужа.

– Я слышала.

– Я об этом не сожалею. Если он попадёт мне под руку, я сделаю это ещё раз.

Зачем Яхонтов сообщает мне о том, что их с Пашей драка не закончена?

– Если вам нужно моё разрешение на то, чтобы снова врезать моему мужу, то считайте, что оно у вас есть. Мне всё равно, что с ним случится.

– Совсем всё равно?

– Да, совсем. Только хотелось бы знать, что именно между вами произошло... и почему.

Последнюю часть вопроса добавляю в последний момент, хотя и обещала себе этим не интересоваться.

– Убедившись, что вы доехали до дома, я вернулся, чтобы поговорить с Павлом, однако его настрой не располагал к разговорам.

– Он первый на вас напал.

– Значит, вы уже об этом слышали.

– Я слышала об этом из двух источников.

– Я подозревал, что вам кто-нибудь расскажет, поэтому и хотел, чтобы вы узнали обо всём от меня. Павел был несдержан в своём поведении и выборе слов, чего не стоило делать при дамах, поэтому я выволок его на улицу и... объяснил, что я с ним не согласен. Доходчиво. К тому времени он уже достаточно протрезвел, чтобы отвечать за свои поступки, но я всё равно не хотел применять силу, однако, к сожалению,

Павел был настроен весьма агрессивно...

– Вы ударили его по голове?

– Нет.

– Он вернулся домой очень грязным.

– Он вернулся домой?!

– Да. К утру он вернулся домой на такси и умолял меня не оставлять его. Мне интересно, что вызвало такую перемену в его настроении.

– Может, мне удалось, наконец, вправить ему мозги. А насчёт грязи, это потому что мы выясняли отношения в огороде, в темноте не сразу поняли, где мы.

– Всё понятно, только... Не надо снова вправлять ему мозги. Я не хочу, чтобы он опять приходил.

– Вы его выгнали?

– Нет, переехала к родителям. На всякий случай скажу вам, что по версии моей свекрови, вы разбили Паше череп.

– Что значит, разбил череп?!

– Не знаю. Нелли Сергеевна позвонила мне в невменяемом состоянии и с целым списком угроз. Вполне возможно, что она и до вас доберётся со своими жалобами, и тогда у вас будут проблемы. Вы же директор школы, вам не положено драться. – Поневоле улыбаюсь на последних словах, представляя, как обычно сдержанный Валерий Яхонтов катается с Пашей по огороду в бешеной схватке.

– Да, я директор школы, но прежде всего я мужчина.

– Кстати, насчёт мужчины. По версии Нелли Сергеевны,

ВЫ МОЙ ЛЮБОВНИК.

– М-м-м... интересно. Я бы наверняка запомнил, если бы это было так.

– Непременно! – отвечаю в тон ему. Мне нравится его сухой юмор. – Так что имейте в виду, какие слухи о нас распускают, и больше не бросайтесь на помощь нуждающимся дамам.

– Вы не обычная нуждающаяся дама, мне вас подарили.

Отнимаю телефон от уха и с недоумением смотрю на экран. Мы что, флиртуем?

Глупость какая...

– Спасибо, что защитили мою честь. Я действительно очень благодарна. Мы с вами почти не знакомы, но вы сделали для меня больше, чем мои друзья... так называемые.

– Они чувствуют себя виноватыми. Вы сможете их простить?

– Нет. Не знаю. Не думаю. Девять лет мы дружили, общались, доверяли и помогали друг другу, а они не посчитали нужным сказать мне, что мой муж не просто до сих пор помнит свою первую любовь, а надеется и планирует с ней воссоединиться, пишет ей письма о любви, звонит ей... наверняка и видится с ней тоже. Зачем мне такие друзья? Чем они лучше врагов?.. Простите. Вы наступили на большую мозоль, поэтому я так разболталась. Спасибо, что позвонили. Удачи вам!

Быстро сворачиваю разговор. Не дожидаясь ответа, сбра-

сываю звонок, а то уже начала разгоняться. Захотелось выговориться и повесить на Яхонтова мои проблемы, сцедить яд. А этого допустить нельзя. Во-первых, потому что он посторонний человек. А во-вторых, потому что я не собираюсь жить обидами. В них слишком легко погрязнуть.

Убираю телефон, стягиваю с себя шаль и собираюсь вернуться в дом, когда слышу невдалеке знакомый голос.

– Ты права, я виделся с Таней. Несколько раз.

Паша.

Приехал ко мне, услышал мой голос на веранде и подошёл нарочито бесшумно, чтобы меня подслушать.

Все моё существо словно настороженно поднимается на цыпочки при звуке голоса мужа. Так реагируют на человека, от которого ожидают боли. Удара в спину.

Раньше, когда Паша меня звал, меня охватывало горячее, сладкое чувство. Тяга к нему и глубокая нежность. Однако это безвозвратно испарилось за несколько часов, и теперь я боюсь спуститься с веранды, боюсь приблизиться к мужу, потому что и так превысила дозу боли, а он может добавить. В его власти разрушить меня до конца, обрызгать бензином всё хорошее, что было в моей жизни, и поджечь.

Точнее, он уже это сделал. Только что.

Они виделись с Таней. Несколько раз.

Стою съёжившись, обнимаю себя ладонями. Любовь не выключишь, как свет, поэтому мне снова становится невыразимо больно.

Зачем он признался, что виделся с Таней?!

Паша сидит на земле, прислонившись к стене дома. Вернее, на маминой цветочной грядке, посыпанной опилками. Он бледный, усталый, но хоть отмылся. Теперь заметен фингал под левым глазом. Средненький такой, не особо впечатляющий.

– Твоя мать сказала, что тебе разбили череп.

Паша смотрит на меня исподлобья, зло, затравленно.

– Неужто тебе вдруг стало меня жалко? А непохоже было, когда ты через меня перепрыгнула и смоталась из квартиры.

– Что тебе надо?

– Ты. Ты мне нужна. Всегда была нужна, и это не изменится. Я без тебя никак, Лер. Ты мой позвоночник. Видишь, я без тебя даже стоять не могу. Сесть пришлось.

– Ты сидишь на маминой грядке.

– Ну вот, а Донцову мы с Яхонтовым весь огород испоганили. Его жена велела больше меня не приглашать.

– Только из-за огорода?

Стоп... Я что, только что усмехнулась? Не понимаю, что со мной происходит, но как будто отдалилась от мужа и наблюдаю за нашим разговором со стороны. Поэтому и способна язвить и усмехаться.

– Нет, не только из-за огорода. – Паша тоже усмехается. – Придётся к Донцовым ехать извиняться, цветы какие-нибудь подарить.

– Ты мне тоже принёс цветы?

Смотрит на меня так печально, с такой болью, что очень трудно не дрогнуть. Потому что годы любви не испаряются, как вода с нагретого солнцем асфальта. Любовь пускает корни в самую душу.

– Нет, Лер, это мне не поможет. Нет таких цветов, чтобы помогли перед тобой извиниться, да и не в извинениях дело. Мне страшно, Лер, понимаешь? Да, вот так, сижу здесь перед тобой и признаюсь, что мне страшно. Знаю, что это не

по-мужски, но говорю как есть. Как на духу. Положа руку на сердце, клянусь тебе: я не знаю, что со мной случилось прошлой ночью. Ты же знаешь меня, как облупленного, прожила со мной столько лет, и медсестра к тому же. Разве это я был у Донцова? Разве я когда-нибудь раньше так себя вёл?

– Это был твой злой близнец? Тогда всё понятно. Извини, что я в тебе усомнилась. – В моём голосе потрескивает сарказм.

– Смейся, Лера, давай, веселись за мой счёт, а вот мне не до смеха. Я ведь к Донцову пришёл всего за час до тебя и не так уж и много выпил. А потом... не знаю, что случилось и почему. Я уставший был, да и самочувствие не очень, дикий стресс на работе, – может, поэтому психанул?

Паша поднимает на меня покрасневший, больной взгляд, сжимает руки в замок. Сидит весь скукожившийся, голову втянул в плечи. Ему и правда страшно, никогда не видела его таким.

– Я мало что помню из того, что наплёл, но было чувство, словно я в каком-то тоннеле, и мне оттуда не вырваться. Страшно было дико. Помню, что орал жутко, до боли в горле, рвался куда-то пойти, мне что-то надо было, причём срочно, но меня никто не понимал. Жуть, короче. Потом помню драку, но не знаю, почему я напал на Яхонтова. А потом вдруг понял, что мне надо домой. К тебе. Донцов говорит, что меня пытались остановить, но я вызвал такси и уехал. Когда пришёл домой, мне легче стало, и только безум-

но хотелось спать. Вот я и лёг на пороге, чтобы ты не ушла, пока я сплю. Но ты всё равно сбежала. Когда я пришёл в себя, позвонил Донцову, и он заполнил пробелы. Рассказал мне, как я отличился и чем. Ну и я сразу к тебе рванул, а теперь вот сижу и не знаю, как за такое просить прощения. Ноги тебе целовать? Умолять? Клясться в чём-то? Я даже объяснить не могу, что вчера случилось, и откуда вылезли те слова. Бред какой-то. Гротеск из кусочков прошлого. И Таня почему-то в центре всего, хотя у нас с ней вообще никакой связи. Только вот недавно услышал, что она развелась, может, поэтому бред пошёл в ту сторону. Но других объективных причин нет. Я был в неё влюблён в школе и обещал, что всегда буду её любить, но потом вырос и перегорел. За эти годы мы несколько раз созванивались. В основном, она мне звонит. Но клянусь, никаких интимностей в разговорах, просто делимся новостями. И раза три кофе выпили в центре. Не смотри на меня так! Я знал, что тебе это не понравится, поэтому и не упоминал об этом. Для меня те встречи не имели никакого значения. Вообще. Перегорел я, клянусь! И мы с Таней уже давно не виделись, я даже не знал о разводе. Позвонил проверить, как она, и всё. Больше рассказывать нечего. Остальное – бред какой-то. Мне страшно, Лер. Вдруг я свихнулся?

Мы с мужем так и остаёмся на расстоянии, перила веранды между нами как моя защита. К сожалению, перила не могут остановить слова Паши, не могут защитить меня от их ранящей силы.

Паша созванивался с Таней, встречался с ней. Мне он в этом не признавался, так как знал, что мне это не понравится. Всё до гениального просто: делай, что угодно, только не признавайся в этом, и тогда всё будет хорошо.

Отчётливо слышу фальшивую ноту в его словах.

Если Таня ничего для него не значит, то почему он продолжил с ней общаться, зная, что (любимой) жене это не понравится?

И почему тогда вчера он сказал, что любит нас обеих?

Я не терплю фальши, от неё першит в горле и слезятся глаза. Моя первая реакция – оттолкнуть.

Но ещё я не терплю чужую боль и страх, не зря же стала медсестрой, а сидящий передо мной мужчина, совсем недавно бывший моим любимым мужем, дико напуган тем, что с ним случилось. Ему нужна помощь.

Моя душа конфликтует сама с собой, разрывается на части. Ни один из экзаменационных сценариев в колледже не подготовил меня к такому конфликту интересов.

– Не веришь мне. – То ли вопрос, то ли утверждение. Па-

ша усмехается. – Я бы тоже такому не поверил. Как доказать то, что я чувствую, а? – спрашивает зло. – Да и есть ли смысл? Ты, я смотрю, уже поставила крест и не только на мне, но и на наших друзьях. Вот скажи, Лера, о чём тебе это говорит, что наши давние друзья ничего тебе не сказали про мой предполагаемый роман с Таней, а? Они ведь наши лучшие друзья, причём намного ближе к тебе, чем ко мне. И ты всё для них делаешь, вечно кого-то лечишь. Неужели за девять лет среди них не нашлось бы ни одного смельчака, который сказал бы тебе правду?! Не молчи, Лер. Ты умная женщина, вот и рассуди сама. Раз они ничего тебе не сказали, то, может, и нечего было говорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.